

УДК 821.161.1–1

**СТИХОТВОРЕНИЕ А. КАНТЕМИРА «О ЖИЗНИ СПОКОЙНОЙ»
В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ СЕНЕКИ**

© 2017 г.

Е.В. Глариантова

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

fetia2006@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.02.2016

Рассматривается стихотворение А.Д. Кантемира «О жизни спокойной» в сопоставлении с сочинениями Сенеки «О блаженной жизни», «О спокойствии души», «Нравственные письма к Луцилию». Привлекается ряд произведений Кантемира, тематически связанных с анализируемым стихотворением, а именно: сатира VI «О истинном блаженстве», «Письма о природе и человеке». Цель работы — выявить, каким образом Кантемир заимствует и претворяет в своих произведениях философские идеи Сенеки. Уделено место анализу образа Сенеки в европейском историческом сознании. Анализ выявляет идеи, созвучные трактатам Сенеки, и одновременно обнаруживает черты идеального гораццианского мира в рассматриваемых произведениях русского сатирика. Кроме этого, выявляются псалмические мотивы восхваления Создателя через Его творения. Выделенные мотивы сплетаются друг с другом, создавая особенный вид восприятия античного наследия.

Ключевые слова: творчество А.Д. Кантемира, рецепция античного наследия, философия Сенеки, гораццианство, псалмические мотивы.

Внимательно изучая творчество А. Кантемира, можно заметить несколько тем, которые, видимо, сильно волновали его, и поэтому он не раз возвращался к ним на протяжении многих лет в разных жанрах, в разном окружении, в разном оформлении, переосмысляя их по мере накопления поэтического и биографического опыта. Одна из ведущих тем, к которой Кантемир неоднократно обращается, это тема личного покоя, выраженная в размышлении об идеальном образе жизни – удалении от суеты городов, созерцание природных картин или мирные книжные занятия. Развитие этой темы встречается во многих произведениях А. Кантемира: прежде всего это сатира VI «О истинном блаженстве» (1738), которая подробно рассматривает привлекательный образ отшельника-мудреца, живущего добродетельно вдали от городов и довольствующегося малым. V басня «Городская и полевая мышь», представляющая вольный перевод фрагмента VI сатиры книги II Горация, примыкает к сатире VI «О истинном блаженстве», назидательно пересказывая сюжет о городской и полевой мыши. Далее сложную смесь буколических мотивов с едкой сатирой находим в сатире V «На человеческие злонамерения вообще» (1737). Наконец, к этой же теме относится позднее стихотворение А. Кантемира «О жизни спокойной» (ок. 1740), в котором отчетливо и с большой сердечностью выражено то же стремление к вольной и спокойной жизни на лоне природы. При анализе указанных произведений мы не заметили явного углубления

или ослабления темы, возможно, потому, что хронологические рамки их невелики (с 1737 по 1740 гг.), вероятно, речь идет о едином периоде осмысления этой темы в творческой биографии автора. Кантемир в это время живет уже давно за границей, перерабатывает свои произведения, удаляет, правит следы французского влияния (прямые подражания Буало), ощущая себя в Европе ближе ad fontes, к классической античной традиции. В перечисленных произведениях речь идет скорее о разных вариантах, то более, то менее подробных, одного и того же уже выработанного и твердо усвоенного представления. Все они группируются вокруг сатиры VI «О истинном блаженстве», предваряя ее или развивая дополнительно отдельные ее части.

В рамках этой небольшой статьи остановимся подробнее на позднем стихотворении А. Кантемира «О жизни спокойной» (ок. 1740). Стихотворение известно в единственном списке (ГПБ – Государственная публичная библиотека, Собр. Вяземского, F, СХХIX [1, с. 480]), Кантемир не включил его в сборник, подготовленный им к печати в начале 1743 г., в обширном издании П.А. Ефремова 1867–1868 гг. его также нет. Стихотворение впервые опубликовано Т.М. Глаголевой в 1906 г. [2, 118–120], затем в классическом издании «Библиотеки поэта» 1956 г. Стихотворение обращено к Сенеке, продолжает столь близкую Кантемиру тему вольности и покоя и могло быть навеяно философскими трактатами Сенеки, особенно двумя из них De vita beata («О блаженной жизни») и De tranquillitate

animi («О спокойствии души»). Заметим в скобках, что традиционно название трактата *De vita beata* переводится «О счастливой жизни», но в недавнем переводе (текстом которого мы будем пользоваться) Т.Ю. Бородай использовано определение «блаженный», от слова «благо», потому что в центре трактата – понимание Сенекой добродетели как высшего блага для человека.

В стихотворении уже в более свободной форме (Кантемир здесь не был стеснен жанровыми рамками) выражена та же мысль об умеренности частной жизни, проходящей вдалеке от больших дел и забот, в восторженном любовании природой, размышлении о ней и в книжных занятиях. Образ Сенеки, противоречивый, часто осуждаемый за несоответствие биографии и высказанных в трактатах и письмах идей, привлекает Кантемира, для которого, видимо, сами рассуждения Сенеки оказываются столь близкими, нужными и правильными, что биография становится неважной. Следует заметить, что Кантемир хорошо осознавал двойственность исторического образа воспитателя Нерона, эта фигура занимала его. Так, с одной стороны, Антиох почитал Сенеку как выдающегося моралиста античности. Уже в I сатире щёголь Медор тужит, что не во что завивать кудри, поскольку вся бумага пошла на печать книг и уж, конечно, *не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры*. Имея в виду его философские трактаты, Кантемир пишет в примечании к 110 стиху I сатиры:

Сенека был философ секты стоической, учитель Нерона, императора римского, от которого убит лета Христова 65. Сего Сенеки имеются многия, и почти лучшия из древних, нравоучительныя книги [3, с. 29]. Интересно, что этот пассаж о Сенеке и напудренных косицах перекочевал полностью из первой редакции сатиры. И в первой, и во второй редакции эти стихи совпадают: *а ему приходит / Что не в чем уж завертеть завитья кудры / Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры [3, с. 18, 190].* Примечание к этим же стихам в первой редакции гораздо обширнее предыдущих и включает в себя краткую биографию Сенеки и даже характеристику его как христианина: *Сенека был философ, учитель императора римского, от него убиенный. Родился он в Корду в Ишпании, мало прежде смерти Августа Цесаря <...> По склонности своей, Сенека с младенчества вдался к наукам, в которых и гораздо преуспел: в философии. Он был секты стоической. <...> Многие думают, что он был христианин и что имел корреспонденцию письменну с Апостолом Павлом. Сего Сенеки имеются многия и почти лучшия из древних моральныя книги [3, с. 197].*

С другой стороны, Кантемир осуждает стремление к накоплению, владевшее Сенекой так же, как другими состоятельными людьми его времени. Об этом он ясно пишет в примечании к 131 стиху VI сатиры: *Учитель Неронов, Сенека, который со всею своею философиюю к деньгам был весьма лаком, и по смерти своей оставил великия сокровища. Ювенал в сатире X-й называет Сенеку пребогатым [3, с. 147].*

В этих примечаниях А. Кантемир придерживается восприятия личности Сенеки, сложившегося к тому времени в европейской культуре. Отношение к фигуре автора «Нравственных писем к Луцилию» основывалось на противоречии между высказываниями Сенеки и его образом жизни. Сам Сенека осознавал это несоответствие, но оправдывал его тем, что он, по крайней мере, стремится быть лучше. Так, 17-я глава трактата *De vita beata* вся посвящена этим упрекам: *Кто-нибудь из любителей облаять философию может задать мне обычный у них вопрос: Отчего же ты сам на словах храбрее, чем в жизни? Зачем заискиваешь перед вышестоящим и не брезгуешь деньгами, полагая их необходимым для тебя средством к существованию? <...> Зачем твое имение ухожено более, чем требует природа? Почему твои обеды готовятся не по рецептам твоей философии? <...> Когда-нибудь после я сам присоединюсь к твоей брани и поставлю себе в вину больше, чем ты думаешь; покамест же я отвечу тебе вот что: Я не мудрец, и — пусть утешатся мои недоброжелатели — никогда им не буду. Поэтому не требуй от меня, чтобы я сравнился с лучшими, я могу стать лишь лучше дурных. С меня довольно, если я каждый день буду избавляться от одного из своих пороков и бичевать свои заблуждения. Я не выздоровел и, вероятно, никогда не буду здоров <...> впрочем, по сравнению с вашими ногами я, инвалид, выгляжу настоящим бегуном [4, с. 27].*

Тацит задает тон такого двойственного восприятия. С одной стороны, в «Анналах» (15, 61–62) он с уважением описывает добровольную смерть Сенеки с философскими рассуждениями на устах: *61. <...> Трибун доложил об этом в присутствии Понпеи и Тигеллина, ближайших советников принцепса во всех его злодеяниях, и Нерон спросил, не собирается ли Сенека добровольно расстаться с жизнью. На это трибун, не колеблясь, ответил, что он не уловил никаких признаков страха, ничего мрачного ни в его словах, ни в выражении лица. И трибун получает приказ немедленно возвратиться к Сенеке и возвестить ему смерть <...> 62. Сохраняя спокойствие духа, Сенека велит принести его заветание, но так как центурион воспрепятст-*

вовал этому, обернувшись к друзьям, восклицает, что раз его лишили возможности отблагодарить их подобающим образом, он завещает им то, что остается единственным, но зато самым драгоценным из его достояния, а именно образ жизни, которого он держался, и если они будут помнить о нем, то заслужат добрую славу, и это вознаградит их за верность. Вместе с тем он старается удержать их от слез то разговором, то прямым призывом к твердости, спрашивая, где же предписания мудрости, где выработанная в размышлениях стольких лет стойкость в бедствиях? <...> Но так как из старческого и ослабленного скудным питанием тела Сенеки кровь еле текла, он надрезал себе также жилы на голенях и под коленями; изнуренный жестокой болью, чтобы своими страданиями не сломить духа жены и, наблюдая ее мучения, самому не утратить стойкости, он советует ей удалиться в другой покой. И так как даже в последние мгновения его не покинуло красноречие, он вызвал писцов и продиктовал многое, что было издано [5, с. 398–399].

В других местах исторического труда (Анналы, 13, 11, 8) чувствуется моральный упрек в адрес Сенеки: так, Тацит намекает на дары, принятые Сенекой после убийства Нероном своего брата Британика: 18. Затем Цезарь щедро одарил виднейших из своих приближенных. Были люди, осуждавшие тех, кто, выставляя себя поборниками несгибаемой добродетели, тем не менее разделили между собой, словно взятую на войне добычу, дома и поместья. Другие, однако, считали, что их вынудила к этому необходимость, так как принцепс, понимая преступность свершенного им, надеялся, что злодеяние будет ему прощено, если он свяжет своими щедротами тех, кто наиболее влиятелен и могуществен <...> [5, с. 299]. Чуть выше Тацит пишет о писательском самомнении Сенеки: <...> о своем стремлении к милосердию он часто упоминал и в речах, подготовлявшихся для него Сенекой с намерением показать, сколь благородные правила он ему внушает, или чтобы блеснуть своим писательским дарованием [5, с. 294].

Христианская традиция принимает благосклонно во внимание нравственную сторону трактатов Сенеки, этому способствует сообщение в «Деяниях Святых апостолов» о встрече брата Сенеки Галлиона и апостола Павла. По следам этого сообщения в IV в. была создана вымышленная переписка апостола Павла и Сенеки, о ней упоминают раннехристианские богословы блаж. Иероним и блаж. Августин. И если первый помещает Сенеку чуть ли не в список церковных писателей, то Августин обозначает противоречивую границу между сочинениями

Сенеки и его биографией. Средние века и Возрождение превозносили Сенеку как моралиста, особенно много читали *Epistulae morales*. Наконец, в XVII – начале XVIII века личность Сенеки становится воплощением внутренней независимости, а его «Письма» становятся одним из источников жанра философского эссе. Так, Монтень в «Опытах» посвящает Сенеке отдельную главу (гл. 32 второй книги) и называет ее «В защиту Сенеки и Плутарха». В ней, упоминая о памфлете неизвестного автора, сравнивающего Сенеку с кардиналом Лотарингским, Монтень отмечает лестность такого сравнения для кардинала и настаивает на том, что добродетель Сенеки превыше всех его богатств и упреков в этом: *Сенека и Плутарх — настолько близкие мне авторы, такая незаменимая поддержка в моей старости и при писании этой книги, целиком созданной из взятых у них трофеев, что это обязывает меня вступить за их честь. <...> Проводя это сравнение, он оказывает, на мой взгляд, слишком много чести названному кардиналу, ибо, хоть я и принадлежу к тем, кто высоко ценит его ум, красноречие, преданность своей религии и верную службу королю <...> несмотря на все это, если уж говорить начистоту, я считаю, что ему далеко до Сенеки, что его духовному облику недостает той цельности, твердости и законченности, которые присущи Сенеке. <...> Однако же добродетель Сенеки так ярко и убедительно проступает в его писаниях, а опровержение некоторых обвинений, выдвигаемых Дионом против него, как, например, в чрезмерном богатстве или в слишком больших тратах, так и напрашивается само собой, что я не поверю ни одному свидетелю, пытающемуся убедить меня в обратном* [6, с. 428–429].

Вернемся к стихотворению Кантемира «О жизни спокойной». Говоря о противоречивости образа Сенеки, Кантемир в самом начале стихотворения замечает, что *всяк волен ты презирать или подражать*, то есть можно подражать стоическому спокойствию философа и презирать его тягу к роскоши, но спокойствие духа римского философа восхищает поэта:

*1 О! коль мысли спокойны зрю в тебе, Сенека!
Ей, ты должен быть образ нынешнего века.
Всяк волен ты презирать или подражать –
Я тебе подобну жизнь хочу повоедать.
5 Пусть клянет кто несчастья, а я им доволен,
И когда мя забыли, так остался волен.
Ах! дражайшая воля, с чем тебя сравнять?
Жизнь, так покойну, можно ль несчастьем
звати? <...>*

*Ниже желание чести и богатства мучит
20 Покойны во мне чувства, все мне
не наскучит* [1, с. 269].

В трактате «О блаженной жизни» Сенека так пишет о мудрости, которая единственная дает внутренний покой и свободу: *Итак, прежде всего я, как это принято у всех стоиков, за согласие с природой: мудрость состоит в том, чтобы не уклоняться от нее и формировать себя по ее закону и по ее примеру. Следовательно, блаженная жизнь – это жизнь, сообразная своей природе. <...> Я могу не прибавлять – ты и сам догадаешься – что это дает нерушимый покой и свободу, изгоняя все, что страшило нас или раздражало; на место жалких соблазнов и мимолетных наслаждений, которые не то что вкушать, а и понюхать вредно, приходит огромная радость, ровная и безмятежная, приходит мир, душевный лад и величие, соединенное с кротостью; ибо всякая дикость и грубость происходят от душевной слабости* [4, с. 29].

Несколько раз Кантемир подчеркивает, что доволен своим несчастьем, тем, что его забыли, потому что это обстоятельство помогает удалиться от дел и жить спокойной, уединенною жизнью: *5 Пусть клянет кто несчастья, а я им доволен, И когда мя забыли, так остался волен. или*

*Знав все непостоянство и леть всего мира,
Не тужу, что мя счастье оставило сиром* [1, с. 270—271].

Похожие места рассуждений о пользе бедности и несчастья, приносящего покой, находим в большом количестве в «Нравственных письмах к Луцилию», самом известном и обширном нравственно-философском произведении Сенеки, необыкновенно популярном в России еще с середины XVIII века. Отрывки из трагедий Сенеки встречаются уже в «Риторике» Ломоносова, отрывки из прозы выходили отдельными книгами и в журналах, например, среди ранних изданий назовем примечательное названием «Дух Сенеки, или Избранные нравоучительные рассуждения сего великого философа», выпущенные в Москве уже в 1765 г. Письмо 17 «Нравственных писем» почти полностью посвящено размышлениям о пользе и даже необходимости бедности:

Брось все это, если ты мудр или, вернее, чтобы стать мудрым, и спеши что есть сил, стремясь к благам духа. <...> А что, если бедность должна быть нам желанна? Многим богатство помешало посвятить себя философии, бедность же ничем не отягчена и не знает страха. <...> Если хочешь, чтобы твоя душа была свободна, будь или беден, или подобен бедному [7, с. 59].

Во многом это стихотворение Кантемира перекликается с поздним религиозно-философским рассуждением,

«Письмами о природе и человеке», проникнутыми, по выражению Р. Сементковского, «глубоким религиозным чувством человека, стоящего на высоте образованности» [8, с. 316]. По мнению исследователей [9, с. 20], в основе их лежат труд Фенелона, французского литератора и богослова конца 17 века, «Философский труд, или доказательство существования Бога» (Fenelon Fr. De Salignac de la Motte. Oeuvre philosophique, ou demonstration de l'existence de Dieu. Amsterdam, 1721) и Оксеншерны «Мысли, размышления и моральные правила» (1742).

Эти удивительные Письма достойны отдельного детального рассмотрения, насыщены как библейскими (псалтирными), так и античными образами, но мы приведем лишь небольшие показательные отрывки из Письма I. О необходимости внутреннего душевного покоя как главного счастья для человека пишет Кантемир:

Нет счастья человеку, когда он собственно-го удовольствия и внутреннего спокойства не имеет; сие толь правильно есть и непрекословно, что всякой в своем веке, надеюсь, в том искусился; разность есть та, что един больше, другой меньше. Мы видим людей многих, имущих великое богатство, знатные чины и изобилие даже до роскоши надмерной в домах своих, но редко от них слышим, чтобы они сказали: «уже я живу года два или три безмятежно, дух мой ныне спокоен, и ничего не желаю». <...> итак иногда желание, иногда старательное попечение о содержании и укреплении того места, на которое возведен и поставлен бывает, препятствует иметь сие бесценное спокойствие духа. <...> Мое намерение вам сказать, что внутреннее спокойство человека есть главное в жизни сей счастье. И дабы приобрести сие спокойство, я здесь начинаю сам в себе искать сего бесприкладного счастья, когда оно меня в мире убегало» [10, с. 21—23]. Если внимательно далее прочитать Письмо I, то можно увидеть прямо параллельные места к стихотворному произведению. Так, в стихотворении «О жизни спокойной» Кантемир рисует картину отшельнической жизни, описывает прогулки ранним утром, наполненные размышлением о блаженстве воли:

*Когда заря румяна приступит к востоку
И прогонит всю с неба темноту глубоко,
За ней лучи златые солнца воссияют,
Цвет придав всем вещам, их оживотворяют;
15 Разны птицы под небом лишь любовь
запели –
Отложив сон свой спешно, встаю с постели.
Коли приятно время, иду гулять в поля,*

*Сто раз в себе размышляю, коль блаженна
воля.
Ниже желание чести и богатств мучит
20 Покойны во мне чувства, все мне
не наскучит.*

В Письме находим прозаический пересказ той же картины: *Как скоро солнце свет нам станет обещати, я уж готов идти в прекрасно поле или в луга, украшенные весною. Один, ходя там, рассуждаю, коль весело жить можно и в пустыне. Иногда предстанут мысли меня прельщать роскошною и веселою жизнью в свете, и усилясь над рассудком здравым, принудят меня в горести сказать, за что я лишен я всего довольствия на свете, за что мне долг есть одному собою жити; напоминовение приятных часов в моем веке, хотя они весьма редко бывали, наведут мне некоторую тягость; но как скоро возмутительные тем мысли преодолет правость и обратит их к Богу, тогда, познав власть его, смиренно предаюсь Вышнего определенью, и признаваю, что един по своей воле в целом свете управляет, ему также было угодно, что я в себе искал счастья [10, с. 24].*

И в стихотворении «О жизни спокойной» Кантемир показывает необыкновенно живописно красоту природы, которая внушает ему чувство благоговения перед Творцом и благодарность за дар быть свободным:

*Смотрю ли густы леса, верхи их зелены –
Разность несказанну древ и всякой премеи
Исполнила природа обильной рукою,
Дивлюся и говорю тогда сам с собою:
25 «О, как вся тварь красна есть повсюду
доброта!*

*Боже, неизмерима твоя к нам щедрота!
Неизмерима благодать, ты всего начало,
Ты творец, от тебе все сие быти стало.
Небесное пространство, купно в нем светины,
30 Смертным нашим очам и жизни столь милы,
Движение законы от тебя приемлет,
Всяко тело небесно ум наш не объемлет [1,
с. 269–270].*

В приведенном отрывке ясно выражена одна из любимых религиозных мыслей Кантемира, которая прослеживается на протяжении всего творчества поэта – доказательство величия Бога через Его творения. Л.Ф. Луцевич в монографии, посвященной роли Псалтыри в становлении русской лирики, замечательно пишет об этом: «Похоже, что Кантемир не просто стремился к «примирению» *sacrum/profanum*, религии и современной ему науки о природе, но более того, преодолевая свойственный ему «осторожный эклектизм», писатель, возвращаясь на круги своя, на новом витке развития становился на путь христианства» [11, с. 178]. Во II Письме

из цикла «Письма о природе и человеке» эта мысль многократно выражается: *Я прежде к вам писал, что то зависит от Бога, а ныне, что больше видят глаза мои разных видов, то больше власть его и силу познаваю; из сего письма вы довольно усмотрите сами, что все, что мы на свете видим и сами себя познавая, купно познаем премудраго Творца и Господа. Я не отвергаю глаз моих без удивления мудрости и искусства, видимого в натуре; самый последний вид довольно показывает всеильную творца своего руку [10, с. 25]. В Письме VIII Кантемир рисует поэтический образ руки Божией, держащей мир и все творения, исполненный глубокого символизма: *когда же все тонкости лишния оставить, то первым взором увидим руку, которая держит все части света, небо и землю, звезды, растущее, живущее, наше тело, наш ум; все являет порядок, точную меру, премудрость, искусство, дух вышний и владычествующий над нами, который так как душа целого света и который все ведет к своему концу от начала своего тихо, нечувствительно, но притом всемогущий [10, с. 81].**

При возвращении с прогулок герой стихотворения возвращается в простой, но чистый дом, где нет коварна слова, где можно найти забаву по душе, *при огне книжку покойно читать:*

*45 Пройдет довольно время, и мысль
веселится,*

*Когда уже надлежит домой возвратиться,
Где все просто, но чисто; пища мне готова;
Говорю что попало, нет коварна слова,
По обеде ту или другую забаву*

50 Найду, приличную мне и моему нраву;

*Иль, чиня брань животным, оных я стреляю,
Либо при огне книжку покойно читаю*

[1, с. 270].

И снова находим совпадения с «Письмами о природе и человеке», заставляющие думать, не одновременно ли создавались стихотворение и «Письма»: *Когда солнце зноем своим станет беспокоить, я в свой шалашик возвращаюсь и сидя с мертвыми друзьями (т.е. с книгами. – Е.Г.) рассуждаю; пишу не для того, чтобы скуку прогнать, а только, чтобы вам исполнить мое обещание, и буду все писать, что буду слышать или видеть, хотя тем пусть останется память на свете, что я свой век везде для всех трудился [10, с. 24].*

Появляется в стихотворении и идиллический пейзаж, яркий атрибут этого жанра, с золотящимися полями и стадами:

*Малы пригорки зрятяся, а при них долины;
Различных трав множество, благовонны*

крины

Там с прочими цветами растут под ногами.
40 Страна вдали покрыта темными лесами;
Другая вся отверзста, где стада пасутся
И по лугам зеленым источники вьются.
Вокруг жатва золотая места наполняет,
За труды земледельцев та обогащает
[1, с. 270].

Нетрудно заметить, что в нарисованной картине присутствуют и черты идеального горацанского мира: удаленность от дел, довольство тем, что есть, прогулки, чтение, идиллический пейзаж, любование природной и размышление над сущностью вещей.

Так, мы видим, что и в стихотворении «О жизни спокойной» идеалом истинного блаженства для Кантемира остается горацанский тип мудреца, свободно и спокойно живущего в сельской глуши среди литературных и научных занятий. С другой стороны, в нем явственно выражены мотивы, созвучные трактатам Сенеки, и одновременно проявляются псалмические мотивы восхваления Создателя через Его творения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта РФГФ «Античные жанры в развитии русской литературы XIII – XIX вв.» (проект № 13-04-00250а).

Список литературы

1. Кантемир А. Собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1956. 543 с.
2. Глаголева Т.М. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Кантемира (Продолжение) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 2. С. 98–143.
3. Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб.: Издание Ивана Ильича Глазунова, 1867. Т. 1. 725 с.
4. Сенека Луций Анней. Философские трактаты. СПб.: Алетея, 2000. 400 с.
5. Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 2001. 992 с.
6. Монтень М. Опыты. Избранные произведения: В 3 т. Т. 2. М.: Голос, 1992. 560 с.
7. Сенека Л.-А. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. М.: Худож. лит., 1986. 543 с.
8. Сементковский Р. Антиох Дмитриевич Кантемир // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона. СПб., 1895. Т. XIV. С. 313–316.
9. Николаев С.И. Кантемир Антиох Дмитриевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 15–21.
10. Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб.: В типографии И.И. Глазунова, 1868. Т. 2. 469 с..
11. Луцевич Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002. 608 с.

THE POEM «ON THE QUIET LIFE» BY A.D. KANTEMIR IN THE CONTEXT OF SENECA'S PHILOSOPHICAL IDEAS

E.V. Glariantova

In this article, we examine A.D. Kantemir's poem «On the quiet life» in comparison with the works by Seneca «On the happy life», «On tranquility of mind», and «Moral letters to Lucilius». Some works by Kantemir that are thematically related to this poem are also considered, namely, Satyre VI «About veritable beatitude», and «Letters about nature and man». The aim of this paper is to find out how Kantemir adopted Seneca's philosophical ideas in his works. The character of Seneca is analyzed in the context of European historical consciousness. Our analysis reveals some ideas in Kantemir's works that are consonant with Seneca's treatises. At the same time, we can find some features of the ideal Horatian world in the works of the Russian satirist. We also identify some psalmic motifs of praising the Creator through His creations. These motifs in their combination contribute to a special kind of perception of the ancient heritage.

Keywords: A.D. Kantemir's works, reception of ancient heritage, philosophy of Seneca, ideas of Horace, psalmic motifs.

References

1. Kantemir A. Sobraenie stihotvorenij. L.: Sov. pisatel', 1956. 543 s.
2. Glagoleva T.M. Materialy dlya polnogo sobraniya sochinenij kn. A. Kantemira (Prodolzhenie) // Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk. SPb., 1906. T. XI. Kn. 2. S. 98–143.
3. Kantemir A.D. Sochineniya, pis'ma i izbrannye perevody. SPb.: Izdanie Ivana Il'icha Glazunova, 1867. T. 1. 725 s.
4. Seneka Lucij Annej. Filosofskie traktaty. SPb.: Aleteja, 2000. 400 s.
5. Tacit Kornelij. Annaly. Malye proizvedeniya. Istoriya. M.: Nauch.-izd. centr «Ladomir», 2001. 992 s.
6. Monten' M. Opyty. Izbrannye proizvedeniya: V 3 t. T. 2. M.: Golos, 1992. 560 s.
7. Seneka L.-A. Nravstvennye pis'ma k Luciliyu. Tragedii. M.: Hudozh. lit., 1986. 543 s.
8. Sementkovskij R. Antioh Dmitrievich Kantemir // Ehnciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza – I.A. Efrona. SPb., 1895. T. XIV. S. 313–316.
9. Nikolaev S.I. Kantemir Antioh Dmitrievich // Slovar' russkij pisatelej XVIII veka. SPb., 1999. Vyp. 2 (K–P). S. 15–21.
10. Kantemir A.D. Sochineniya, pis'ma i izbrannye perevody. SPb.: V tipografii I.I. Glazunova, 1868. T. 2. 469 s..
11. Lucevich L.F. Psaltyr' v russkoj poehzii. SPb.: Izd-vo «Dmitrij Bulanin», 2002. 608 s.